

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (ОБЗОР “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”, “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, “ЖУРНАЛА СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА”)

25–26 июня 2012 г. на базе Юридического института Сибирского федерального университета состоялся научно-практический “круглый стол” “Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации”. Организаторами данного мероприятия выступили: Юридический институт Сибирского федерального университета, Саратовский филиал Института государства и права РАН, Красноярское региональное отделение общероссийской общественной организации “Ассоциация юристов России”, Третий арбитражный апелляционный суд. Непосредственное участие в обсуждении заявленной темы приняли ученые-юристы и практические работники – судьи, адвокаты, юрисконсульты. География участников представлена достаточно широко: Белгород, Волгоград, Иркутск, Казань, Краснознаменск, Красноярск, Курск, Магнитогорск, Махачкала, Москва, Омск, Оренбург, Пенза, Рязань, Самара, Саратов, Тамбов, Томск, Хабаровск, Ярославль, а также Одесса (Украина).

В своем выступлении ведущий “круглого стола” директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь” А.В. Малько отметил, что особо важное значение в современный период приобретает такая разновидность правовой и правоохранительной политики, как правозащитная политика, под которой можно понимать научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по оптимизации защиты прав человека, совершенствованию средств и способов правозащиты, выстраиванию полноценной правозащитной системы.

Суть правозащитной политики заключается в выработке и реализации правозащитных идей и целей стратегического свойства. В практическом аспекте данная политика представляет собой разностороннюю деятельность многих субъектов, направленную на решение следующих задач: 1) оптимизацию правового регулирования обозначенной сферы; 2) повышение гарантированности механизмов правозащиты; 3) улучшение координации правозащитных государственных и негосударственных структур; 4) углубление взаимодействия внутригосударственных и международных институтов правозащиты; 5) формирование правозащитной культуры у государственных и муниципальных служащих и т.д.

Таким образом, правозащитную деятельность необходимо переводить на новый уровень более системного использования ее ресурсов – на уровень *правозащитной политики*, что повысит качество и эффективность защиты прав лично-

сти в современной России, в целом правозащиты, а значит, соответственно повысит качество и эффективность всей правоохранительной деятельности.

С докладом о правовой политике в области развития российского законодательства в условиях модернизации на основе человекоцентристского подхода выступил **заведующий кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ В.М. Шафиров**, который отметил, что Конституция, провозгласив Россию правовым государством, тем самым установила курс на модернизацию правовой системы. Следовательно, требует обновления и правовая политика в области развития российского законодательства.

Юридический закон следует рассматривать не просто как нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой, а как самостоятельную разновидность общественного закона. Такое видение будет побуждать законодателей на всех стадиях законодательного процесса глубоко прорабатывать проект закона прежде всего с содержательной, а не только с формальной юридической стороны. Взгляд на юридический закон как на вид общественного закона, имеющий объективный, необходимый характер не получил обстоятельного осмысления и признания.

Должно получить четкое нормативное закрепление конституционное правило: “права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими”. Необходимо в отраслевом законодательстве закрепить механизм непосредственного действия прав и свобод, его пределы, а также конкретизировать формулу “можно делать все, что законом не запрещено”.

Нужна более сбалансированная политика в области экспертизы как проектов законов, так и действующих законов. Сегодня преобладает экспертиза актов на предмет их коррупционности. Однако следует совершенствовать, развивать и другие виды экспертиз (концептуальную, или содержательную, лингвистическую, технико-юридическую и т.д.), законопроектов и законов. Другими словами, необходим комплексный подход в данном направлении. Это положительно скажется на результатах законотворческого процесса, качестве принимаемых законов.

В основу законодательной политики должен быть положен основополагающий принцип – профессионализм. Пробелы в правосознании приводят к тому, что закрепляются абстрактно сформулированные цели, задачи правового регулирования, популистские, противоречивые, дублирующие

правила поведения; вводится в действие закон без пакета обеспечивающих его “работу” актов; принимается закон с плохо просчитанными социальными последствиями его реализации, не прошедший необходимую апробацию и т.д.

Важно в полной мере распространять требования правозаконности на законодателя. Законодатель должен не только закреплять принцип законности, но быть образцом для всех остальных в реализации ее требований в процессе правотворчества. На уровне законотворчества не такая уж редкость, когда принимаются нормы, ущемляющие, ограничивающие права и свободы, т. е. создаются неправовые законы. Утверждение же требований правозаконности позволит персонализировать правотворческую деятельность и ее результат, поставить вопрос о юридической ответственности за принятие законов, наносящих существенный материальный и моральный вред.

Профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юрид. наук, проф. А.В. Аверин отметил, что стержнем правоприменительной деятельности любого государства, без сомнения, следует признать судебное правоприменение. Однако необходимо иметь в виду, что правосудие – не синоним судопроизводства. В России ещё только следует формировать условия становления правосудия. Главным критерием, характеризующим правосудие, является главенство права в правоприменительной деятельности суда. Для формирования условий главенства права в судебной деятельности соотношение субъективного и объективного факторов в процессе разрешения правовых вопросов должно быть без условий установлено в пользу второго. При главенствующей роли объективного фактора (права) в судебной деятельности при разрешении правовых вопросов вывод по судебному делу детерминирован правом. При главенствующей роли субъективного фактора (мнения судьи, основанного не на праве, а на его внутреннем убеждении) происходит судебный произвол. При отправлении правосудия судебный произвол будет осуществляться во всех случаях, когда разрешение судебных дел не будет прямо вытекать из права, а будет зависеть от иных факторов, в том числе от политических установок, конъюнктурных соображений, предвзятого подхода. Довлеть над судьей при разрешении судебного дела должно только право. Отступление от принципа верховенства права в правосудии даже в угоду сиюминутным интересам общества и общегосударственным политическим установкам, является обычным судебным произволом, несущим угрозу безопасности обществу.

Начальник Управления Министерства юстиции РФ по Красноярскому краю, канд. юрид. наук И.В. Астанина обратила внимание участников на мониторинг правоприменения как инструмент правовой политики. Мониторинг правоприменения предусматривает комплексную и плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке правовой информации.

Для объективности оценки правоприменительной практики к мониторингу необходимо привлекать как можно более широкий круг профессиональных юристов, представителей науки, правозащитных и общественных организаций, бизнес-сообщества, средств массовой информации. Результаты мониторинга должны стать основой совершенствования не только правоприменительной практики, но и повышения качества нормативных правовых актов, правовой культуры общества, укрепления взаимодействия органов государственной власти и широкой общественности.

Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Самарского государственного экономического

университета, доктор юрид. наук, проф. В.В. Болгова обратилась к проблемам формального закрепления критериев оценки публичного интереса в условиях модернизации. Публичный интерес сегодня рассматривается: 1) как основание для разграничения права на публичное и частное; 2) как доминанта при решении вопроса о возможности ограничения конституционных прав; 3) как основа и цель государственно-организованного правового регулирования; 4) как особое основание для применения процессуальной формы и особых средств защиты, в том числе как основание для реализации права прокуратуры на обращение в суд. Так же можно говорить и о том, что публичные интересы выступают основой концептуализации законодательства, ориентирами правовой политики, а в ряде ее направлений – приоритетами.

В этих условиях ограничиться лишь констатацией факта существования такого явления, как публичный интерес явно недостаточно ни для целей развития системы правового регулирования, ни для повышения эффективности института защиты права.

В.В. Болгова подчеркнула не только сам факт отсутствия нормативно установленных критериев отнесения интереса к публичному, но и то обстоятельство, что в последнее десятилетие “центр” оценки интереса, его квалификации сместился в сторону органов судебной власти. Складывается ситуация, когда правоприменительный орган, не имея нормативных ориентиров, весьма свободен в оценке фактических обстоятельств дела, создавая новую правовую реальность. При всех опасениях, возникающих у специалистов в ситуации оценки судьейского усмотрения, необходимо отметить и то, что “перенос” центров ответственности в сторону судебной власти является дополнительным источником правовой нестабильности.

Примеров этому, к сожалению, достаточно много. Так, Конституционный Суд РФ, установив в 1997 г. принцип законодательного формирования основных элементов налогообложения, в 2002, 2004 гг. отходит от него, допуская установления налоговых обязанностей в системе подзаконного регулирования органов исполнительной власти. Показательно, что во всех случаях мотивация решения – необходимость защиты публичного интереса. В 2004 г. Конституционный Суд РФ квалифицирует как публичный интерес акционерного общества в снижении издержек и повышении эффективности управления, разрешая фактически “вытеснять” миноритарных акционеров. До момента вынесения соответствующего акта интересы акционеров и акционерных обществ квалифицировались как частные.

Реформа процессуального законодательства, проведенная в России в 2002 г., привела к возникновению нового основания для отмены судебных актов в порядке надзора нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов (например, п. 3 ст. 304 АПК РФ). При этом право оценивать интерес как публичный – прерогатива суда. Фактическая реализация института привела к тому, что соответствующее правомочие есть только у Высшего Арбитражного Суда, политика которого в этой области также не всегда последовательна. На сегодня отсутствует даже соответствующее постановление Пленума ВАС РФ, которым были бы четко определены соответствующие границы применения п. 3 ст. 304 АПК РФ.

Мы убеждены в том, что решение вопроса о содержании понятия “публичный интерес” сегодня невозможно, если мы ограничимся лишь теоретическими конструкциями, описывающими “носителя” такого интереса, а также осмыслением положений действующего законодательства, относящегося

к сфере материально-правового регулирования. Сегодня назрела необходимость:

1) установления нормативных критериев конкретизации публичного интереса (по сферам его возникновения, по субъектам, по масштабу значимости дела);

2) установление четкой корреспонденции “публичности” дела и особой процессуальной формы его разрешения с ограничением возможности судов произвольно избирать соответствующую форму и средства защиты;

3) формирование особой юрисдикции для разрешения дел, связанных с защитой публичного интереса.

Доктор юрид. наук, профессор Саратовской государственной юридической академии С.Ф. Афанасьев поднял вопрос о современной правозащитной политике государства в ракурсе реализации судебно-правовой политики в условиях глобализации. В связи с чем доказывается, что судебно-правовая политика в области судопроизводства сегодня существенно детерминирована глобализационной динамикой, игнорирование которой бесперспективно, поскольку это ведет к правовому изоляционизму и крайне вредно с прагматических позиций. Конечно же, из сказанного не следует, что развивая и совершенствуя собственную правовую политику, Российская Федерация не должна критически относиться к некоторым специфическим всеобщим цивилизационным явлениям. Задача заключается несколько в ином: сохраняя национальный позитивный правовой опыт и избегая его автономизации, гармонично соотносить усвоенные знания с общечеловеческими кросскультурными и юридическими ценностями.

Говоря более детально в контексте глобализации о формировании отечественной судопроизводственной политики, С.Ф. Афанасьев отметил, что в настоящее время она подвергается максимальному воздействию именно со стороны Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что обусловлено потребностью выравнивания общеевропейских стандартов правосудия по уголовным и гражданским делам, которые описаны в ст. 6 договора. По большому счету, магистральное направление проводимой внутренней судопроизводственной политики не должно отклоняться от международных стандартов.

Выступив с совместным докладом, **заведующий кафедрой истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юрид. наук, проф. С.А. Дробышевский** и **ассистент той же кафедры того же института Сибирского федерального университета Е.Ю. Тихонравов** рассмотрели проблему соотношения политики и правового регулирования при восполнении пробелов в праве. Сделан вывод, что преодоление последних есть чисто политическая деятельность, не подлежащая никаким юридическим ограничениям. Правовые нормы служат только для ее обоснования. Правда, таковое необходимо в постановлении, принятом в результате восполнения пробела в праве.

Рассмотрены два противоречащих друг другу порядка преодоления юридических лагун, существующих в разных государствах. Отмечено, что одна практика предполагает формулирование правовых норм о восполнении пробелов в праве. Другая исключает создание таких правил.

С точки зрения осуществления цели самосохранения и прогресса государства предпочтителен второй порядок, поскольку первая отмеченная практика предполагает правовые ограничения правовосполнительной деятельности, которых на самом деле нет. Они могут поставить под угрозу

реализацию указанной цели. Второй же порядок полностью соответствует выявленным закономерностям преодоления юридических лагун и поэтому не порождает упомянутой опасности.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юрид. наук, проф. А.В. Дашин обратил внимание участников на вопросы современного состояния и перспектив развития региональной правовой политики на примере Северного Кавказа. Роль и место обычаев в системе социальных регуляторов в различных регионах Российской Федерации неодинаковы. Для народов Северо-Кавказского региона “обычное право” продолжает играть ведущую роль наряду с правилами поведения, санкционированными государством.

В настоящее время нормы обычного права образуют особые пласты в структуре ряда отраслей права – гражданском, семейном, наследственном праве, что вполне соответствует принципу диспозитивности, имеющему преимущественное значение в этих отраслях права. При этом они сосуществуют (а часто – конкурируют) с нормами, закрепленными в правовых актах государства. Законодательство не всегда способно в полной мере преодолевать традиционное обычно-правовое регулирование отдельных видов общественных отношений, которое к тому же оказывается нередко и более эффективным, чем государственное воздействие.

В современный период на Северном Кавказе начали формироваться новые подходы к правовой политике и идеологии, выразившиеся прежде всего в попытке легализации отдельных норм адата и шариата. И органы внутренних дел, и судебные органы неформально используют некоторые правовые традиции народов Северного Кавказа, которые с их точки зрения способствуют позитивному урегулированию ряда конфликтных ситуаций. В настоящее время традиционное правосознание сохраняет отчасти свою регулятивную роль, но и в большей степени выполняет идеологическую роль как одна из черт по развитию кавказской идентичности. Для правового регулирования в регионе необходимо решать два вопроса о соотношении традиционной правовой практики и государственного судопроизводства и о восстановлении баланса между ярко выраженным общинным традиционным правосознанием и ослабленной правовой практикой. Вариантов успешного решения второго вопроса несколько: изменение правосознания путем внедрения системы государственного образования, как это имело место в 1920-30-е годы либо усилением традиционной правовой практики возродить не только и не столько общинные, сколько государственные санкции, как это имело место во второй половине XIX в.

Выступив с совместным докладом, **профессор кафедры теории государства и права Юго-Западного государственного университета, доктор юрид. наук, В.П. Беляев** и **доцент кафедры административного и финансового права того же университета, канд. юрид. наук Г.Ф. Беляева** рассмотрели вопрос о правовом режиме как инструменте правовой политики, особом порядке правового регулирования, служащим для беспрепятственной реализации основных целей правового регулирования (и в том числе интересов субъектов права). Правовой режим как средство правовой политики характеризуется, во-первых, нормативно-правовым закреплением, во-вторых, специфической целью, которая состоит в том, чтобы особым способом регламентировать отдельные области общественных отношений посредством выделения во временных и пространственных границах тех или иных субъектов и объектов права, в-третьих, особой

комбинацией правовых средств (общие дозволения и запреты, позитивные обязывания и рекомендации, стимулы и ограничения и т.д.); в-четвертых, созданием оптимальных и благоприятных условий для субъектов права, и, наконец, в-пятых, соответствующей структурой. Представляется, что наиболее оптимальная структура правового режима включает в себя такие компоненты, как принципы, правовые средства и правовые гарантии.

В выступлении *“Правозащитная политика: способы и типы правового регулирования”* канд. юрид. наук, ученый секретарь Саратовского филиала Института государства и права РАН К.Е. Игнатенкова отметила, что правозащитная политика – направление правовой политики государства, имеющее собственный объект регулирования (определенный круг общественных отношений), свои цели и задачи, а также характеризующееся особым субъектным составом. Учитывая перечисленные особенности, правозащитная политика предполагает использование специфического юридического инструментария. Использование конкретных типов и способов регулирования в различных сферах предопределяется рядом факторов, ведущую роль среди которых играет адресат юридических норм. Дифференциация правового инструментария необходима для “сбалансирования” положения изначально неравноправных субъектов отношений.

Правозащитные отношения в большинстве случаев строятся по формуле: “индивид (объединение индивидов) – государство (в лице его органов или должностных лиц)”. Здесь сложно говорить о равноправии. В целях укоренения разделения властей, исключения злоупотребления полномочиями, охраны прав и свобод граждан в деятельности правоохранительных органов основополагающим должен стать принцип “дозволено то, что прямо разрешено законом”. Этот принцип в кратком виде выражает суть разрешительного типа правового регулирования.

Дозволения, предусмотренные для властных структур, должны быть по возможности более определенными. При закреплении в нормативных актах перечня полномочий правоохранительных органов необходимо строгое соблюдение правил юридической техники, таких как ясность, четкость языка акта, логика в изложении информации, исключение возможности неоднозначного толкования. Неопределенность норм, нечеткость, размытость формулировок, трудность установления их фактического содержания, границ дозволенного, запрещенного и должного позволяет управленческим группам, выступающим в качестве правоприменителя, свободно толковать их в свою пользу.

Способы и типы регулирования образуют тот “костяк”, на котором строится, а также реализуется правовая политика. Одним из актуальнейших ее направлений в настоящее время выступает правозащитная политика. При этом типы регулирования дифференцируются в зависимости от субъектов в целях выравнивания их положения. Общедозволительный тип, действующий в отношении более “слабой” стороны, направлен на предоставление ей максимума возможностей для защиты своих интересов; соответственно, превалирующим способом правового регулирования выступает дозволение. Разрешительный же тип, характерный для опосредования деятельности специализированных органов, призван ограничить возможные злоупотребления с их стороны. Окончательные же “очертания” правовое регулирование на том или ином участке отношений по формированию и реализации правозащитной политики принимает благодаря определенной комбинации способов регулирования, выражающей государственно-властное суждение о должном порядке функционирования правовых связей и явлений.

Заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (г. Махачкала) Б.Б. Сулейманов обратился к понятию правовой модернизации. В самом общем виде модернизацию можно определить как процесс обновления общества в соответствии с новыми требованиями и нормами, условиями, показателями развития. Модернизация отличается от реформы масштабностью, исходными целями, задачами и ожидаемыми последствиями. Очевидно, любая модернизация общества предполагает существенное изменение его правовой системы и в целом правовой жизни. Право одновременно является и средством осуществления всей социальной системы, и объектом модернизации. Поэтому целесообразно говорить и о правовой модернизации.

При осуществлении модернизации важно базовые моменты процесса, к которым можно отнести субъекты, сферу осуществления, средства, ожидаемые и возможные последствия, приоритеты и т.п. Безусловно, ведущая роль принадлежит государству, что предопределяется в том числе особенностями отечественной правовой системы. Следует учитывать степень подверженности модернизации различных правовых явлений. Думается, что частное право более подвержено модернизации. Консервативными правовыми явлениями, обеспечивающими преемственность правовой жизни общества, являются правовое сознание и правовая культура, система права, которые почти невосприимчивы к процессу модернизации. Сложный и масштабный процесс совершенствования правовой системы общества, который называется модернизацией, можно осуществить только посредством системной правовой политики.

Заведующий кафедрой административного и уголовного права Одесской национальной морской академии (Украина), канд. юрид. наук, доц. Б.В. Бабин высказался по вопросам правовой политики в области правового программного регулирования международных отношений.

Программные акты сегодня принимаются в рамках двух и многостороннего межгосударственного диалога и в формате деятельности международных (межправительственных) организаций. В частности, программы стали одной из ключевых форм правотворческой, организационной и бюджетно-финансовой деятельности ООН, глобальных организаций системы ООН, Совета Европы, НАТО и ОБСЕ. Сотрудничество государств с этими организациями приобрело во многих случаях именно программные формы.

В то же время в определенной степени сложилась парадоксальная ситуация, когда значимое количество программных документов, принимаемых с участием субъектов международного права, содержащих обязывающие и рекомендательные предписания и нормы, регулирующих поведение указанных субъектов, зачастую имплементированных ими в национальные правовые системы и организационную практику, остается вне внимания науки международного (публичного) права. Поэтому анализ программных явлений и механизмов в правовой доктрине должен стать актуальным, закономерным процессом, максимально востребованным практикой.

Доцент кафедры иностранного права и сравнительного правоведения Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук Т.В. Протопопова посвятила свое выступление сравнительно-правовому аспекту правовой политики в области охраны достоинства. Без изучения правовой политики, проводимой зарубежными государствами, вряд ли можно говорить об

успешной модернизации в нашей стране. В российской юридической науке наряду с пониманием того, что США – это крупнейшая мировая держава с развитой демократической государственностью и прочными правовыми традициями, закрепилось осознание того, что благополучие американского общества обеспечивает конституционно закрепленная идея свободы. Однако на самом деле Конституция США прежде всего содержит идею уважения человеческого достоинства граждан, более того, Конституция США стоит на страже достоинства государства и достоинства каждого отдельного штата.

Заведующая кафедрой юридических дисциплин Гуманитарного юридического колледжа Оренбургского государственного университета, канд. юрид. наук О.С. Вырлеева-Балаева, посвятив выступление роли запретов в современном российском законодательстве, отметила, что в советский период развития нашего государства запрет, как средство правового регулирования, использовался достаточно широко. Однако вскоре общество “захлебнулось” свободой. Обострились негативные явления, мешающие нормальному развитию современного социума. Вырос уровень преступности, безработицы; работодатели не соблюдали своих обязательств перед работниками, копились долги по заработной плате, что привело к забастовкам и массовым беспорядкам; появилось огромное количество финансовых “пирамид”, мошенничеств с жильем; свой вклад в дезорганизацию общества внесли разнообразные секты, подорвавшие и без того слабое моральное здоровье граждан. В связи с этим в последнее время всё более актуальным становится вопрос о роли запрета как средства правового регулирования. Необходимо формировать систему правовых запретов, чтобы вывести общество на более безопасный и цивилизованный уровень развития. Запреты проявляют себя как инструменты сбережения общества. Государству следует взять на себя обязанность не только создавать качественные, полезные для общества законы, но и последовательно их реализовывать. Только в этом случае правовой запрет проявит свою эффективность и действенность. Каждая запрещающая норма должна быть обеспечена санкцией и предусматривать меры ответственности за ее нарушение.

Обсудить актуальную для правовой политики проблему “мягкого права” предложил **доцент кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук А.В. Демин**. Дискуссия о признании феномена *soft law* как самостоятельного регулятора, возникающего на стыке правовых и неправовых явлений, набирает обороты, постепенно “перетекая” с международно-правового уровня на уровень национальных правовых систем.

Главный вопрос, от ответа на который зависит признание или непризнание *soft law*, состоит в следующем: что собой представляет так называемая “полутень права” – пограничная зона между правом как системой юридически обязательных норм и принципов, с одной стороны, и иными социальными регуляторами (моралью, обычной практикой, корпоративными нормами и т.п.) – с другой. Противники “мягкого права” придерживаются бинарной концепции (*binary approach*), основанной на четком разграничении правовых и неправовых регуляторов и не допускающей какой-либо “диффузии” между ними. Сторонники “мягкого права” отстаивают концепцию относительной нормативности (*theory of graduated (relative) normativity*), рассматривая нормативность как релятивно непостоянную величину и признавая, что степень обязательности норм в правовой системе может быть различной – от строгой императивности, обеспеченной

санкциями, до рекомендаций, основанных на убеждении и авторитете.

Думается, бинарная теория права страдает излишним схематизмом и упрощением. Требования, адресованные участникам правового общения, могут иметь различную степень императивности. То есть норма может быть более или менее императивной. При этом императивность нормы не тождественна ее принудительности. Традиция выделения юридических норм различной степени обязательности в российском правоведении является если не общепризнанной, то широко распространенной. Совокупность рекомендательных норм образует нормативную основу, ядро “мягкого права”, хотя ими и не ограничивается.

Перспективна возможность использования концепции “мягкое право” применительно к многочисленным внутригосударственным актам, которые формально не вписываются в систему официальных источников права, но имеют важное значение для правотворчества и правоприменения. Российская практика дает многочисленные примеры актов, формально не относящихся к законодательству, но вместе с тем содержащих общие стандарты, правила, цели, алгоритмы, прямо или косвенно влияющие на выбор заинтересованными лицами правозначимого поведения. Это самые разные документы – от декларативно-идеологических (послания, концепции, стратегии, основные направления и т.п.) до интерпретационных актов (официальные разъяснения фискальных органов по запросам налогоплательщиков; правовые позиции научно-консультативных советов при судах и т.п.).

В условиях неизбежной фрагментации и неопределенности официальных источников права “мягкое право” выступает альтернативой полному отсутствию юридических норм в условиях, когда объективная потребность в регулировании налично.

Заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, канд. юрид. наук, доцент И.Б. Калинин, выступая с докладом о естественном праве как основании правовой политики, акцентировал внимание на том, что под природой человека, служащей первоосновой, источником естественного права, следует понимать нейрофизиологические процессы, происходящие в центральной нервной системе человека, основанные на накопленных в ходе его эволюции на генном уровне эмпирических данных о явлениях окружающей среды, а также в результате правового научения, итогом которых является способность человека на основе опережающего отражения действительности прогнозировать возможные состояния этой среды и своего места в ней и с учётом этого выбирать оптимальный вариант своего поведения в той или иной жизненной ситуации. Терминология естественного права нашла отражение и в российской Конституции. Большинство правоведов согласно с тем, что источник естественного права объективен, и оно коренится в социальном бытии, в “природе человека”. В этой связи естественные права человека его как атрибутивные социальные свойства, коренящиеся в психике человека, должны выступать приоритетами современной российской правовой политики любого вида и уровня.

С докладом по проблеме онтологии и аксиологии в праве и правовой политике выступил **заведующий кафедрой правоведения Тихоокеанского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент В.П. Кузьмин**, который отметил, что в формировании правовой политики необходимо делать акцент на аксиологической интерпретации права, на анализе

взаимодействия права с другими общественными институтами в истории и действительности российской государственности, изучении состояния индивидуального и общественно-правосознания, правовой культуры российского общества в целом, поиске путей преодоления правового нигилизма. Необходимо вернуть праву его изначальное предназначение – выступать в качестве компромисса при реализации интересов индивидов, составляющих конкретную общность. А компромисс – это такое решение, которое в максимальной степени удовлетворяет интересы большинства при минимальном ущемлении интересов меньшинства.

В России в силу различных причин пренебрежение правовыми ценностями является “национальной идеей”. Сейчас перед российской правовой политикой стоит задача огромной важности – так скорректировать правовую систему, чтобы содержащиеся в ней ценности были востребованы гражданским обществом, не пересекались с его нравственными приоритетами, а наоборот, взаимно поддерживались, взаимно дополнялись, получали обоснование друг в друге.

Доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук В.Ю. Панченко затронул проблему юридического содействия реализации прав личности как малоисследованного направления (вида) современной российской правовой политики в условиях модернизации. Правовая политика в сфере юридического содействия реализации прав охватывает значительный сегмент юридической практики, не сводимы к правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, правозащитной и другим видам и направлениям [юридическая помощь, публичные (государственные и муниципальные) услуги правового характера, правовое информирование и т.д.]. В этой связи необходимо комплексное общетеоретическое исследование юридического содействия реализации прав личности в качестве значимой подсистемы в системе обеспечения современного российского права и условия, способствующего усилению правовых начал в общественной и государственной жизни, важнейшего правового средства реального воплощения в жизнь конституционного положения о высшей ценности человека, его прав и свобод; существенного фактора повышения правовой активности граждан, уровня правового сознания и правовой культуры современного российского общества; признаваемой на уровне государственной политики задачи и индикатора движения современного российского государства к идеалам правовой и социальной государственности; необходимой функции (подфункции) всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества на современном этапе общественного развития.

Доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук А.А. Рудаков высказался по вопросам правовой политики в области модернизации российского законодательства на примере технико-юридических проблем, таких как отсутствие баланса в законодательстве между правами и обязанностями, наделение субъектов правами без возложения на них корреспондирующих обязанностей и наоборот; попытки создания норм, носящих одновременно возможный и должный характер, неясность в толковании и применении таких норм; неразвитость юридической техники, помещение юридических обязанностей в статьи, посвященные правам и наоборот. Дисбаланс в регулировании общественных отношений характерен для многих правовых институтов, и оформляется не только действующей Конституцией, но и значительным количеством иных законода-

тельных актов, что не может способствовать эффективной реализации нормативных предписаний. Закрепление только прав и свобод делает их реализацию необеспеченной, создаёт у людей чувство вседозволенности. Излишнее увеличение бремени обязанностей так же приводит к массовому уклонению от их исполнения, порождает у людей нигилистические настроения. При таких обстоятельствах законодателю нужно с особой тщательностью подходить к установлению баланса между правами и обязанностями, дабы уже на первом этапе правового регулирования снижать риски нарушения правовых предписаний.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, канд. юрид. наук Ю.В. Недилько обратила внимание на проблемы правоинтерпретационной формы современной российской правовой политики.

В свете проведения единообразной правовой политики всеми заинтересованными субъектами немаловажным представляется единообразное понимание ими правовых предписаний, направленных на ее реализацию. Данную проблему призвано разрешить правильное толкование правовых норм, которое способствует точной и эффективной реализации правовой политики.

Одной из отрицательных черт современной правовой политики России является ее противоречивость. С одной стороны, органы государства пытаются дать правовым нормам интерпретацию, обеспечивающую их единообразное понимание субъектами права и обеспечивающую реализацию правовой политики посредством аутентичного, легального или же официозного толкования, с другой – понимание российскими гражданами смысла той или иной нормы зачастую расходится с официальным.

Изменить ситуацию возможно лишь при условии единства интересов общества и государства, совпадении декларируемого приоритета прав и свобод человека и гражданина, защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности как основного направления правовой политики с реальными интересами и действиями государства. Особая роль в обеспечении единства и последовательности правовой политики, объективной интерпретации правовых предписаний принадлежит легальному и доктринальному толкованию права на основе учета интересы государства, общества и личности.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, канд. юрид. наук В.М. Абдрашитов на примере практики Европейского Суда по правам человека затронул такой аспект правоохранительной политики, как реализация принципа презумпции невиновности. Прецеденты Европейского Суда по правам человека уже стали полноправной частью правовой системы России. С 1999 г. Конституционный Суд РФ достаточно часто упоминает его правовые позиции, в последнее время в его актах прямые отсылки к его решениям.

Думается, что вытекающая из ст. 6 Конвенции обязанность российских судов соблюдать принцип презумпции невиновности, состязательности, равенства сторон требует, что любому лицу (тем более обвиняемому) должна предоставляться реальная, эффективная и адекватная, в сравнении с противной стороной (т.е. правило равного оружия), возможность использовать все, не запрещенные законом средства процессуальной защиты, а именно: опрашивать выступающего против него свидетеля; делать возражения, представлять контраргументы противной стороне на любой стадии процесса; представлять на обозрение и исследование суду любые законные средства доказывания в рамках пуб-

личного слушания с целью гарантирования состязательности и равноправия сторон.

Доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, канд. юрид. наук З.С. Байниязова в своем выступлении остановилась на таком приоритете современной российской правовой политики как консолидация правотворчества в правовой системе.

Правотворческая деятельность современного Российского государства больше характеризуется количественными показателями, что приводит зачастую к снижению ее качества. В своей деятельности субъекты правотворчества не учитывают принцип совместных действий, который бы позволил выработать единую стратегию развития правотворчества, единство в выборе целей, приоритетов федерального, регионального, муниципального развития, что приводит к таким негативным явлениям, как наличие юридических коллизий, низкая степень эффективности реализации норм права, разползание правового пространства и др.

Одним из решений этих проблем является консолидация правотворчества – сплочение всех уровней правотворческой деятельности (федерального, регионального, муниципального), субъектов, принципов, приоритетов, средств ее осуществления, которое выражает качественное развитие правотворческой деятельности. Консолидация правотворчества – перспективное направление совершенствования правовой системы, которое должно быть приоритетным в современной российской правовой политике.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института, канд. юрид. наук В.В. Вышкварцев обратился к вопросу правовой политики в сфере культуры. Вызовы XXI столетия требуют формирования и интеграции новой культурной политики. В этих целях законодателем разработан и предложен для общественного обсуждения проект федерального закона “О культуре в Российской Федерации” (далее – Проект).

Во многом проект реципировал ряд положений основ законодательства о культуре, которые доказали свою жизнеспособность и эффективность, принял ряд существенных мер по их развитию и дополнению. Однако в указанных нормативно-правовых актах законодателем дается узкое определение понятия “культура”, без ориентации на наиболее объемное и универсальное понятие, содержащееся во Всеобщей Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии.

Проект по-прежнему проводит водораздел между конституционным правом на образование, которое в теории права относят к категории социальных, хотя по функциональным признакам его следует обозначать в ряде культурных прав и право на образование должно быть закреплено в проекте в виде отсылочной нормы на Федеральный закон “Об образовании”. От культурного права на образование субъектов зависит и их интеллектуальный потенциал. Проект также обходит этот аспект, подразумевая, что потребителем культурных благ выступает уже образованный и интеллектуально развитый человек. И наконец, категория “культура” незаслуженно обособлена от смежной категории “правовая культура”, что не может быть признано правильным в условиях провозглашенных приоритетов российской правовой политики.

Заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Казанского филиала Российской академии правосудия, канд. юрид. наук, доцент Л.А. Гумеров обратился к проблемам правовой политики в области научно-

технической деятельности. Провозглашенный в России курс на модернизацию предусматривает создание инновационной экономики – фундамента современного постиндустриального общества, основанной на внедрении передовых результатов научно-технической деятельности. Создание таких результатов напрямую связано с реализацией свободы научно-технического творчества, которая является одним из основополагающих начал эффективного развития современного постиндустриального общества и должна быть приоритетом правовой политики.

Правовое регулирование данной сферы осложняется тем, что научно-техническое творчество основано на духовной составляющей, которая обуславливает низкую степень правовой регламентации.

Эффективным средством регулирования реализации свободы научно-технического творчества выступают поощрительные правовые нормы. Правовое поощрение является средством воздействия на субъекта права, которое стимулирует необходимое поведение, активизирует саморегулирующие начала, способствует воздержанию от неправомерного поведения. В качестве критерия применения поощрений в научно-технической сфере следует рассматривать перспективные направления развития науки и техники, а также критические технологии, перечень которых определяется государством. Эффективность некоторых поощрительных норм российского законодательства применительно к реализации рассматриваемой свободы снижена их декларативным (неконкретным) содержанием, в частности, положения о финансировании научно-технической деятельности.

Доцент кафедры истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук Г.Н. Емцов остановился на проблеме политико-правового научного осмысления открытого сопротивления действующей власти, которое, как показали события, развернувшиеся в 2011–2012 гг. в Северной Африке (Ливия, Сирия, Египет, Тунис), сегодня особенно актуально.

При оценке политико-юридической сущности так называемых мятежных правительств, важно учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, их появление на политической арене прямо свидетельствует о кризисе легитимности действующей власти. Игнорирование официальным правительством этого факта неизбежно влечет за собой еще большую утрату им собственного политического влияния. Во-вторых, правопорядок, созданный “мятежным правительством” на подвластной территории всегда представляет собой альтернативную модель политической организации общества. При этом сам факт закрепления данного правопорядка в обществе (пусть и на относительно непродолжительное время) говорит о конкурентоспособности предлагаемых “мятежниками” политико-правовых институтов. В-третьих, с момента установления господства “мятежного правительства” над определенной населенной территорией начинает существовать новая политическая реальность. Возникает новое государство с присущей ему правовой системой, которая функционирует параллельно с правовой системой, поддерживаемой официальным правительством на оставшейся территории страны. При любом исходе борьбы победившей стороне придется считаться с данным фактом. Всякие попытки придать собственному законодательству свойства обратной силы следует рассматривать как юридическую фикцию.

Помощник судьи Второго арбитражного апелляционного суда (г. Киров), старший преподаватель Института (филиала) МГЮА им. О.Е. Кутафина в г. Кирове, канд. юрид. наук Н.С. Каранина посветила свое выступление

рациональному правопониманию как идейной основе правовой политики. Рациональное понимание права должно учитывать многочисленные достижения других наук (социологии, политологии и пр.). Так, общество следует рассматривать как сложную развивающуюся саморегулирующуюся и самоорганизующуюся систему. Упорядочение или регулирование отношений, проистекающих в обществе, обусловлено необходимостью сохранения и развития самой системы. Существуют два пути воздействия на процессы, проистекающие в обществе, – внешнее и внутреннее воздействие. Последнее направлено на сохранение общественной системы, по-другому его называют процессом саморегуляции общества. В ходе эволюции общества выработались различные способы упорядочения общественных отношений: объективное воздействие происходит с помощью регулятивных систем (право, мораль, религия и пр.), субъективное воздействие – со стороны одной социальной группы или лидера.

Политика – также социальное явление. Правовая политика означает политику, осуществляемую посредством права, т.е. с помощью правовых средств; это также деятельность государства по созданию механизма правового регулирования. Суть, содержание, уровень и формы правовой политики обусловлены степенью развития, эволюции общества в целом. Созданные в результате правотворчества нормы, с одной стороны, позволяют судить о правильности стратегии деятельности государства в сфере правового регулирования. В то же время неверно говорить, что право исходит только от государства. Право как регулятор создано самим обществом, наполнение права конкретным содержанием происходит через различные общественные институты, коим в том числе является государство.

Доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук А.Н. Шепелёв свое выступление посвятил такому средству правовой политики, как юридический язык.

Определение языка, в настоящее время используемого в юридической сфере, окончательно не сложилось. При этом наибольшие разногласия вызывает не смысловая нагрузка определения, а его терминологическое отражение.

Одним из основных признаков термина (терминологического словосочетания) является четко определенная сфера его применения и точное соотношение слова и отображаемого им объекта действительности. В нашем случае имеет место парадоксальная ситуация – язык, призванный быть однозначным и единообразным, сам не имеет единого устойчивого терминологического определения.

При поиске терминологического определения языка, используемого в юридической сфере, следует опираться на юридическую трактовку правопонимания В.С. Нерсисянца, в частности, на либертарно-юридический подход, который позволяет в достаточной степени совместить критерии, характерные как для естественного правопонимания, так и для позитивного. В соответствии с этим подходом к правопониманию, данный язык должен быть определен как юридический язык. При этом термин “юридический” в полной мере отражает правовую природу этого языка и позволяет охватить все многообразие отношений, в которых он используется и потенциально может быть использован (нормотворчество, правовая наука, профессиональная речь юристов, правовая документация и др.).

Применение определения “юридический язык” приведет к точному и недвусмысленному отражению содержания обозначаемого правового понятия. Это позволит исследова-

телям данного языка воспринимать его единообразно, что, в свою очередь, положительным образом скажется на формировании единых взглядов на структурные элементы юридического языка и, как следствие, на успешном осуществлении их качественных характеристик.

Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, канд. филос. наук, доц. В.В. Оглезнев рассмотрел вопрос аскриптивного юридического языка как средства правовой политики. Слова – суть инструменты, которые мы используем; они являются средствами, с помощью которых мы познаем мир, а не просто его описываем. Аскриптивная концепция юридического языка покоится на двух важных методологических утверждениях: во-первых, приписывание (или аскрибирование) ответственности или прав осуществляется при помощи произнесения, а во-вторых, глаголы, выражающие действия, имеют дескриптивное употребление в настоящем и будущем времени, их же аскриптивное употребление применяется в основном в прошедшем времени, где глагол часто вневременен. Произнося аскриптивные предложения (особенно в настоящем времени), мы часто не описываем, но фактически осуществляем или производим некое действие и когда эти слова употребляются таким способом, они соотносятся с подтверждающими их фактами во многом тем же самым образом, что и решение судьи. Но помимо этого, данные предложения, особенно в прошедшем и будущем времени, имеют многообразие других употреблений, которые в целом нелегко вычленишь из так называемого их первичного употребления.

Таким образом, для юридического языка аскрипция – универсальное средство познания: эмпирическим фактам приписывается аскриптивная форма и они становятся нормативными фактами, что позволяет разграничить правовую сферу от иных сфер природы и общества. Нормативные факты, воплощаясь в структуре правовых норм, приобретают статус оснований возникновения, изменения или прекращения правовых отношений. Иными словами, приведение в соответствие с правовым правилом означает приписывание юридического смысла определенным действиям, что характеризует конструктивно-прагматическую сторону юридической деятельности.

Проблемам правовой политики в сфере разрешения коллизий между федеральными и региональными нормативными правовыми актами было посвящено выступление **заместителя директора, доцента кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук А.А. Петрова**. По его мнению, до сих пор ни законодателем, ни юридической практикой не решен вопрос об общем принципе иерархического соотношения регионального законодательства и федеральных подзаконных нормативных правовых актов в сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72 действующей Конституции России). В юридической науке попытки решить указанную проблему сводятся, как правило, к поиску иерархических отношений между *конкретными видами* региональных законов и федеральных подзаконных актов. В ситуации конфликта федерального подзаконного права и региональных законов в сфере совместной компетенции сталкиваются между собой две идеи, положенные в основу организации иерархии формальных источников права в России: 1) приоритет закона над подзаконными актами и 2) приоритет федерального права над региональным с учетом “административно-кооперативной” модели современной федерации в России. Таким образом, вывод о приоритете федеральных подзаконных актов будет означать, что

в регионах принимаются “недозакон” и серьезным образом ударит в целом по принципу федерализма и теории закона, а противоположный вывод явно будет противоречить центростремительным тенденциям последнего десятилетия.

Из этих соображений, видимо, проблему и не трогают, что, возможно, верно сиюминутно-политически, но с позиций представлений о правовой политике как о системной научно-обоснованной деятельности по повышению эффективности механизма правового регулирования такое умолчание (особенно – в науке!) недопустимо, ибо лакуны и коллизии в сфере построения иерархии можно использовать как оружие в политической борьбе во вред Российскому государству. А без осмысленного и критически оцененного науки и практикой общего предложения по решению вопроса о соотношении регионального законодательства и федеральных подзаконных актов, правотворческая и правоприменительная политика в сфере построения эффективной модели федеративного устройства вряд ли будет возможна.

Доцент кафедры трудового и экологического права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук П.А. Политахин осветил проблему методологии разработки муниципально-правовой политики. На сегодняшний день правовая политика в области местного самоуправления требует разработки концепции разрешения противоречий (как условия развития), сложившихся еще в социалистических производительных силах и производственных отношениях (базисе) и государстве, праве, идеологии (надстройке). Следовательно, концепция государственной политики переходного периода должна строиться на экономических законах базиса и волевом (юридическом) воздействии на отношения всех участников зарождающейся рыночной экономики.

Целесообразно рационально определить роль государства в управлении и влиянии на происходящие процессы разрешения базисных противоречий и роль в этом процессе всех субъектов рыночных производственных отношений. В частности, к государственным вопросам, исходя из экономических законов, следует отнести: обеспечение условий воспроизводства рабочей силы (демография, образование, здравоохранение, социальное обеспечение); государственную монополию в базовых отраслях экономики, влияние на объем национального производства, национального дохода, на ценообразование; занятость населения; влияние на инфляционные процессы; обеспечение сбалансированности совокупного спроса и предложения; международную правовую политику. К вопросам местного значения следует отнести: бизнес и коммерцию; дошкольное воспитание, приходское образование; благотворительную и попечительскую сферы; социальную деятельность по жизнеобеспечению населения. Передачу же государственных вопросов местному самоуправлению надо исключить.

Старший преподаватель кафедры информатики Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук О.Л. Солдаткина подчеркнула, что декларация прав и свобод личности отнюдь не означает, что эти права должным образом защищены; вот почему так важно обратить внимание на правозащитную политику, одним из основных направлений которой является совершенствование судебной системы. Между тем, в судебной деятельности существует множество проблем, одной из которых является грамотный выбор средств реализации судебной реформы.

В свете тенденций мирового развития информация, оформленная как ресурс, становится одним из основных средств, определяющих уровень эффективности процессов

модернизации. Судебная политика не должна стать исключением из этого правила. И в этом случае неизбежно встает вопрос оптимизации информационных ресурсов судебной политики. Традиционно считается, что основной целью процесса информатизации в данном направлении является формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей, арбитражных судов и Конституционного Суда РФ.

Однако цель процесса информатизации судебной системы шире, ставя задачей формирование системы электронного правосудия, решающие основные задачи правовой политики, включая повышение гарантированности и открытости механизмов судебной защиты, снижение коррупции, улучшение всех видов коммуникаций и формирование судебной культуры. Обзор, проведенный выступающей, показывает, что развитие информационных ресурсов судебной политики идет по пути формирования сетевых систем, но создание электронного правосудия еще находится в самом начале. И здесь следует помнить, что при всех преимуществах данной системы для ее функционирования предстоит решить ряд серьезных проблем технического и концептуального характера. Решение этих проблем и определяет пути оптимизации информационных ресурсов судебной политики.

Доцент кафедры теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, канд. юрид. наук С.Ю. Суменков обратил внимание на такое средство правовой политики, как нормативные изъятия (исключения) в праве.

Исключения в праве – это прием правотворческой техники, направленной на закрепление в юридических нормах изъятий или (и) дополнений к унифицированным правовым требованиям, реализуемые уполномоченными на то субъектами для достижения надлежащего правового регулирования. Наиболее точным объяснением существования исключений в праве служит потрясающее многообразие жизненных отношений, подпадающих под правовое регулирование.

Исключение предстает по отношению к правилу в виде: а) изъятия из правила; б) ополнения к правилу. Суть исключения выступающего в роли изъятия состоит в том, что такое исключение выводит из под действия общего правила те компоненты общественных отношений, которые в целом подпадают под юрисдикцию этого правила.

Основания подобного изъятия различны. К ним можно отнести правовой статус лица, причем как специальный, так и индивидуальный; пределы компетенции; фактические данные, имеющие юридическое значение; технические аспекты; объективные качества продукции, специфика предмета и его юридический режим; формы собственности и т.д.

Думается, всеобъемлющий перечень критериев нормативных изъятий составить невозможно. Слишком много может быть случаев, оцениваемых как исключительные; весьма велика вероятность появления исключительных и особых обстоятельств, уважительных причин, особых условий и чрезвычайных ситуаций, выступающих в качестве причин, вызывающих необходимость правотворческой фиксации исключений; тяжело предсказуема экономическая, политическая, социальная конъюнктура, детерминирующая волю законодателя рассматривать тот или иной казус в качестве исключения из правила.

Руководитель по развитию кафедры гуманитарных дисциплин и юриспруденции Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета

О.И. Шарно остановилась на проблеме модернизации судебной системы как одном из направлений современной российской правовой политики.

Дискуссия о модернизации судебной системы современной России ведется по двум направлениям. С одной стороны, речь идет о построении новой модели организации органов судебной власти, которая основана на централизации судебной системы. Предполагается, что это поможет решить проблему формирования единой судебной практики, сделает судебную власть более сильной. С другой стороны, отстаивается позиция закрепления и совершенствования смешанной системы судостроительства (судебная власть с предметной специализацией). Подкрепляющим эту позицию аргументом является сложившаяся европейская практика романо-германской правовой семьи, отказываться от которой нет никаких объективных предпосылок. Утверждение смешанной структуры судостроительства в современной действительности было бы предпочтительней. А при выборе модернизационной концепции правового государства следует руководствоваться: оптимальным объемом судебной юрисдикции; принципами организации суда, связанными с обеспечением доступности правосудия; повышением оперативности судопроизводства; качеством осуществляемого правосудия – законности, обоснованности и справедливости принимаемых судебных актов; безусловным их исполнением.

В рамках поставленных задач в 2011 г. ратифицирован 14-й протокол к Европейской конвенции о защите прав человека, произведена модернизация действующего законодательства, совершенствуются механизмы апелляционных инстанций, досудебных процедур, бесплатной юридической помощи, возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями суда и др. Подобные инновации призваны сделать суд более независимым, а систему в целом – прозрачнее и эффективнее.

Аспирантка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В.А. Попельшко предложила обсудить историко-правовые аспекты правовой политики на примере учения И. Бентама. В его труде “О судостроительстве”, написанном в XIX в., рассматриваются проблемы правовой деятельности суда, медиации и адвокатуры, многие из которых не потеряли своей значимости.

Субъектам правовой политики при ее формировании и реализации важно учитывать положение И. Бентама о том, что законодателю “необходимо знать людей такими, каковы они на самом деле; для чего необходимо видеть отношения, существующие между частными интересами каждого класса и интересами всего общества”.

Так, в формировании судейского корпуса из адвокатской среды (такие предложения часто звучат сегодня в связи с необходимостью преодоления обвинительного уклона) И. Бентам видит только отрицательные черты: “...здесь сословие адвокатов нераздельно связано с сословием судей. Судьи были прежде адвокатами; они приносят с собой предубеждения своей прежней профессии, к которой всегда сохраняют пристрастие; отсюда происходит постоянный союз между судьями и врагами лиц, вверенных его попечению. И судья, и адвокат дружно поддерживают злоупотребления, из которых один извлекал выгоды, а другой извлекает”.

Адъюнкт кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России В.В. Попова рассмотрела такое средство правовой политики, как поощрительные нормы, отметив, что под последними следует понимать правила поведения, необходимые или желательные для общества и установленные государством для регулирования обще-

ственных отношений в сфере поощрения, направленные на стимулирование добросовестного выполнения возложенных юридических обязанностей и (или) социально активного правомерного поведения. При этом поощряться должно не всякое правомерное поведение, а лишь необходимое и желательное, поощрение социально допустимого поведения должно быть исключено.

Ассистент кафедры истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета Ю.С. Лукина остановилась на проблеме фактического правового статуса индивидов в государстве. Государство гарантирует равный комплекс прав каждой группе индивидов, обладающих одинаковым правовым статусом (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, беженцы, вынужденные переселенцы), что свидетельствует о равном правовом положении этих индивидов. Однако юридический и фактический статус на практике оказываются разными. Больше прав обычно оказывается у того индивида, который взаимодействует в большем количестве видов деятельности. И, наоборот, статус человека, отстраненного от общественной деятельности (к примеру, находящегося на пенсии), общающегося с малым количеством людей, является по факту ограниченным.

Поскольку люди во многом отличаются друг от друга (состояние здоровья, возраст, личные способности к тому или иному виду деятельности, место жительства, образование, активность человека, образ жизни и т.д.), реальное обладание правами дифференцировано: у одних субъектов круг прав шире, у других – наоборот. Отсюда возникает вопрос: какой круг прав является наилучшим для самосохранения и прогресса государства? Очевидно, что по мере прогресса расширяется круг правовых возможностей, становится шире система прав. Однако количественный критерий не должен являться главным. Идеалом должен быть правильный образ жизни индивидов, обеспечивающий самосохранение и прогрессивное развитие независимого политического общества, а не наибольшее количество прав.

Соискатель кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета И.Ю. Макачук, говоря о локальной правотворческой политике, подчеркнул, что практика локального нормотворчества свидетельствует о том, что локальный уровень правового регулирования нуждается в концептуальной основе, качество локального нормотворчества зависит от локальной правотворческой политики как научно обоснованной, последовательной и системной деятельности соответствующих субъектов не в меньшей степени, чем от “технологии” подготовки локальных актов. В этой связи на уровне организаций должны приниматься концепции (программы) локальной правотворческой политики, которые позволят провести мониторинг текущего состояния локального правового регулирования, тенденции его развития, определить среднесрочные и долгосрочные задачи развития организации в целом и локального нормотворчества в частности, сформировать набор правовых средств, которые будут служить достижению уставных целей и задач, оптимизировать процедуры локального нормотворчества, создать действенный механизм обеспечения прав и законных интересов субъектов внутрикорпоративных отношений.

Аспирант кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета Е.Г. Ростовцев обратил внимание на проблему разумности в правоприменительной политике. Разумность предлагается выделить в качестве одного из содержательных требований законности.

Характерными чертами разумного применения права являются: разумная деятельность, целесообразность разумной деятельности и направленность на достижение социально полезного результата; правомерность разумной деятельности; разумное применение права возможно лишь при наличии правового закона; разумность ориентирует правоприменителя на принятие во внимание особенностей каждого конкретного дела; разумность является пределом усмотрения правоприменителя.

Воплощение в жизнь требования разумности применения права в совокупности с другими содержательными требованиями законности позволит говорить о законности, отражающей общечеловеческие идеалы и ценности.

Аспирант кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета А.В. Теплякова рассмотрела такую проблему правоохранительной политики, как охрана прав и свобод человека при злоупотреблении им субъективным правом. В ст. 10 ГК РФ установлены правовые последствия квалификации действий субъекта в случае нарушения им пределов осуществления субъективного права (злоупотребления правом): отказ в защите принадлежащего ему права. Однако злоупотребление правом может повлечь и иные, установленные законом санкции. Например, суд удовлетворяет требования истца на основании того, что ответчик злоупотребил своим правом. Здесь не происходит лишения права ответчика защиты, так как его права не были нарушены. Суд лишает его права охраны со стороны государства, чтобы истец мог гарантированно реализовать свои субъективные права.

Лишение права охраны фактически означает лишение его одного из главных признаков: обеспеченности. Как только право перестает охраняться и гарантироваться законом, оно фактически перестает существовать, так как его надлежащая реализация будет невозможна.

Доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права, исполнительный директор НИИ законодательства и правовой политики Сибирского федерального университета, советник председателя Законодательного собрания Красноярского края, доктор юрид. наук А.А. Кондрашев посвятил свое выступление правовой политике в области совершенствования законодательного регулирования конституционно-правовой ответственности в российском праве.

Дефицит законодательного закрепления основных категорий конституционно-правовой ответственности ведет к существенному снижению роли конституционно-правовых средств воздействия в механизме конституционно-правового регулирования, к падению авторитета и значения Конституции в глазах граждан и должностных лиц. Отсутствие законодательной дефиниции конституционно-правовой ответственности, конституционного деликта, условий или оснований ответственности (вины, противоправности) порождает трудности в правоприменении. Судебная практика крайне неоднородно определяет как формы вины, так и формы противоправности при рассмотрении дел о конституционных правонарушениях, например в избирательном праве.

Игнорирование законодателем конституционно-правовой ответственности порождает пренебрежительное отношение к мерам такой ответственности со стороны органов и должностных лиц.

Назрела необходимость законодательного закрепления вины коллективного субъекта конституционного права (государственного органа, общественного объединения и иных

лиц), которые должны признаваться виновными в совершении конституционного правонарушения, если будет установлено, что у них имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена конституционно-правовая ответственность, но данными лицами не были приняты все зависящие от них (исходя из обычно существующих обстоятельств) меры по их соблюдению.

Представляется, что до внесения поправок в Конституцию РФ правовое регулирование института конституционной ответственности не возможно на уровне Федерального закона "О конституционно-правовой ответственности органов государственной власти Российской Федерации и органов местного самоуправления".

Судья Третьего арбитражного апелляционного суда, канд. юрид. наук, доц. Н.А. Морозова подняла вопрос о приоритете административно-правовой политики в области производства по делам об административных правонарушениях. Процедура привлечения к административной ответственности, где применяются наказания, сопоставимые с уголовными, не должна уступать уголовному процессу по качеству выяснения всех вопросов, подлежащих доказыванию, и количеству предоставляемых процессуальных гарантий. В этой связи в Кодексе РФ об административных правонарушениях необходимо: закрепить возможность заключения мирового соглашения или прибегнуть к процедуре медиации; помимо издержек по делу об административном правонарушении (ст. 24.7) требуется предусмотреть возможность возмещения расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении его участникам; рассмотреть возможность введения такой процессуальной фигуры, как третье лицо – прежде всего, на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении; включить нормы, регулирующие порядок подачи и рассмотрения ходатайств лиц, участвующих в производстве; решить вопрос о возможности, сроках и порядке обжалования действий и актов должностных лиц, вынесенных (совершенных) в ходе производства по делу об административном правонарушении; более полно урегулировать процедуру назначения и производства экспертизы, оговорив специально право лица, в отношении которого ведётся производство, участвовать при её проведении; закрепить право на бесплатную юридическую помощь лицам, в отношении которых ведётся производство по делам об административных правонарушениях, а так же случаи обязательного предоставления защитников несовершеннолетним, социально-незащищенным гражданам, иностранным гражданам и лицам без гражданства в случае, если по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении они могут подлежать административному выдворению за пределы Российской Федерации.

Доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук Е.М. Шайхутдинов рассмотрел актуальные вопросы административно-правовой политики в сфере административной ответственности юридических лиц. Первая проблема – это установление вины юридического лица. Наиболее распространенной формулировкой в обоснование вины юридического лица в судебных актах арбитражных судов является ссылка на то, что лицо не представило суду пояснений и доказательств, подтверждающих своевременное принятие им необходимых мер по соблюдению требований законодательства, что не отвечает требованиям презумпции невиновности. При этом остается непонятным нежелание законодателя перенести в КоАП РФ уже давно существующий в гражданском праве институт "ответственности без вины" субъектов предпринимательской

деятельности. Вторая проблема – это применение к юридическим лицам, не являющимся собственниками имущества, финансируемых из соответствующих бюджетов, административного наказания в виде административного штрафа. Назначение таким субъектам административного штрафа приводит к “перекладыванию” денежных средств из одного бюджета в другой и не влечет непосредственно для юридического лица соответствующих неблагоприятных последствий, а действующее правовое регулирование не достигает своих целей и, по существу, носит деструктивный характер.

Доцент Международного института судебных экспертиз и права Красноярского государственного аграрного университета, канд. юрид. наук И.В. Тепляшин проанализировал аспекты формирования финансово-правовой политики.

Сегодня специалисты указывают на такие формы правовой политики, как: правотворческая, судебная, иммиграционная, антитеррористическая, правовая политика в области модернизации правообразовательных механизмов, в сфере противодействия экстремисткой деятельности и др. В современных условиях формируются предпосылки и основы финансово-правовой политики.

Современной юридической науке пристальное внимание следует обратить на организационно-правовую технологию механизма, обеспечивающего практическое развитие финансово-правовой политики в современной России. В архитектуру такого механизма помимо финансово-правовой культуры российского общества могут быть включены такие институты, как: состояние макроэкономического развития российской экономики, правовые основы инновационной экономики, стратегия финансово-экономического развития государства, национальная безопасность, социально-экономические права граждан, общественное присутствие и активное участие в экономическом развитии страны предпринимательского сообщества, деловых людей.

Для формирования финансово-правовой политики важно создать методологически выверенную концепцию “встраивания” институтов гражданского общества и реализации инициативы самих граждан в эффективном распределении материальных благ, участия в рыночных отношениях, финансовой деятельности хозяйствующих субъектов и государства.

Финансово-правовая политика может выступить предметом исследования в условиях законодательного закрепления оптимальной модели взаимодействия личности, общества и государства в экономических отношениях. Введенная позиция законодателя и юридической науки позволит создать прогрессивную концепцию успешного взаимодействия участников финансовых отношений, оптимизации материальных стремлений граждан и общественности в целом, процесса укрепления деловых составляющих социально-идеологического портрета предпринимателя и эффективной реализации материальных и финансовых ресурсов общества и государства.

Заместитель председателя Третьего арбитражного апелляционного суда, профессор кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юрид. наук А.Н. Бабенко и юрист (член Палаты налоговых консультантов) А.В. Гармаш затронули вопросы процессуально правовой политики.

Проектом концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. к основным мерам, направленным на

повышение эффективности правовой политики, отнесены проведение межотраслевой кодификации процессуального законодательства в целях унификации основ судебной процедуры и обсуждение вопроса о создании Судебного кодекса. Представляется, что в отношении глобальной унификации судебной процедуры без учета вида судопроизводства могут поступить обоснованные возражения, но основополагающие положения и институты не должны подлежать существенно различающемуся регулированию. Одним из таких общих вопросов, полагаем, является вопрос о принятии дополнительных доказательств апелляционным судом.

В действующем арбитражном процессуальном законодательстве закреплены одновременно элементы полной и неполной апелляции, однако *общее правило должно быть в перспективе ориентировано на последнюю в целях соответствия апелляционного производства принципам диспозитивности, состязательности и равноправия сторон* и способствования эффективной реализации *процедуры раскрытия доказательств в суде первой инстанции при направляющей функции суда* (ч. 2 ст. 65 АПК РФ).

Полагаем допустимыми следующие выводы, которые в настоящее время сформированы практикой.

На оценку апелляционным судом причин непредставления доказательств в суд первой инстанции в качестве уважительных влияют *нарушения, допущенные судом первой инстанции при выполнении функции содействия лицам, участвующим в деле, в формировании доказательственной базы по делу, т.е. нарушения положений ч. 2 ст. 65, ч. 2 и 5 ст. 66, ч. 1, 2, 7 ст. 71 АПК РФ.*

Таким образом, открытый перечень (абз. 2 п. 26 постановления Пленума ВАС РФ № 36) *можно дополнить причинами, соотносимыми с основаниями изменения или отмены решения суда первой инстанции (ч. 1 ст. 270 АПК РФ) и обуславливающими принятие новых доказательств апелляционным судом* согласно ч. 2 и 3 ст. 268 АПК РФ.

Вместе с тем, полагаем, ревизия полномочий апелляции с целью исключения возможности перехода в апелляции к рассмотрению дела по правилам первой инстанции (как преодоление противоречий сочетания полной и неполной апелляции) *в целом* является нецелесообразной.

Заведующая кафедрой гражданского права Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук, доц. Н.Ф. Качур посвятила выступление развитию института недвижимости, модернизация которого является важнейшим направлением гражданско-правовой политики. В проекте Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – законопроект) отношение к недвижимым вещам жилых и нежилых помещений, выделенных в установленном порядке в качестве самостоятельных объектов гражданских прав, нельзя признать новаторским решением. ГК РФ лишь приведен в соответствие со специальными законами, которые эти объекты и ранее признавали недвижимостью.

Определение в законопроекте особого объекта недвижимости – единого имущественного комплекса, не совсем удачно в части указания на необходимость отражения в едином государственном реестре прав (далее – ЕГРП), объединенных единым назначением отдельных объектов недвижимости, расположенных на едином земельном участке, для признания их единым имущественным комплексом. Отражение объекта недвижимости в ЕГРП вторично, и оно возможно при условии признания такого объекта недвижимым законом. Введение единого имущественного комплекса как

объекта недвижимости предполагает его четкое определение в законе с целью разграничения со сложными вещами, составными вещами, другими комплексами.

Заслуживает одобрения исключение предприятия как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, из числа объектов недвижимости, поскольку, как показала практика, предприятие в качестве имущественного комплекса так и не было введено в оборот недвижимости.

Следует поддержать позицию авторов законопроекта об исключении из числа объектов недвижимого имущества воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания, космических объектов и о распространении на них режима недвижимости. Такой подход соответствует традициям российской цивилистики и подходам стран континентальной системы права. Главный аргумент: в силу различной природы недвижимых и объективно движимых вещей не создано единой системы регистрации прав на все объекты недвижимого имущества, как и единого гражданского оборота недвижимости по природе и мобильной недвижимости.

Важно обратить внимание на понятие части объекта недвижимости как на категорию в определенной степени условную и неопределенную в законе. Часть объекта недвижимости не подлежит постановке на кадастровый учет и права на нее не регистрируются в ЕГРП. Часть объекта недвижимости в настоящее время является самостоятельным объектом обязательственных, нежели вещных прав.

В проекте ГК РФ в новой редакции частично реализована оптимальная модель (характерная для Германии) единого объекта недвижимости, который возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника находящегося на нем объекта недвижимого имущества. К сожалению, дальнейшее внедрение этого принципа у нас затруднено тем, что российский правопорядок исходит из множественности объектов недвижимости, имеющих самостоятельную правовую режим.

Заслуживает одобрения попытка устранить смешение различных систем государственной регистрации прав и сделок (задвоенность регистрации), отказаться от регистрации сделок как избыточной процедуры и перейти на подлинную континентальную систему регистрации прав и ограничений (обременений).

С этих позиций представляется актуальным возрождение нотариальной формы для сделок с недвижимостью. При этом представляется чрезвычайно важным продумать и выстроить разумную научно обоснованную систему сделок, требующих нотариальной формы, отсутствующую сегодня. Для российского законодательства чрезвычайно важным представляется законодательное закрепление понятия принадлежности земельного участка и других объектов недвижимости, как это делалось в дореволюционном законодательстве России.

Заведующая кафедрой гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия У.Б. Филатова осветила ряд аспектов сравнительно-правового анализа гражданско-правовой политики по вопросу об общей долевой собственности.

Анализ законодательства России, Германии, Австрии, Швейцарии и Франции позволяет прийти к выводу о существовании двух подходов к регулированию отношений общей собственности, в основе которых лежат разные концепции: индивидуалистическая концепция и концепция общности.

Индивидуалистическая концепция приравнивает не только саму общность, но и собственника доли к положению единоличного собственника. Порядок владения, пользования и распоряжения вещью в целом и доли в частности построен по образцу единоличной собственности, т.е. для осуществления правомочий собственности по отношению к вещи в целом необходимо выразить общую единую волю, а для распоряжения своей долей достаточно воли одного собственника. Из чего следует, что долевая собственность рассматривается не как общая собственность, а как система независимых прав сособственников на доли, которые в их совокупности образуют одно право. Основным признаком индивидуалистического подхода к регулированию долевой собственности является принцип единогласия, который лежит в основе принятия любых решений, касающихся осуществления правомочий собственности.

Для второго типа регулирования отношений общей долевой собственности характерна концепция «общности». На чаше весов в словосочетании «общая собственность» перевешивает термин «общая». Во главу угла законодателем поставлено регулирование процесса существования общности, которая осуществляет право собственности в отношении общего объекта, а не право собственности отдельного собственника на общую вещь и на долю в ней. Характерными признаками данного подхода является закрепление принципа большинства, возможности прекращения общности в целом и исключения из общности асоциальных сособственников, а также усиленное действие договорного регулирования за счет распространения действия договора между сособственниками на правопреемников.

Проект ГК РФ в целом сохранил индивидуалистический подход, что выражается в закреплении принципа единогласия (п. 1 ст. 277), допущении возможности отчуждения части доли в одностороннем порядке (п. 2 ст. 276), сохранении преимущественного права покупки (ст. 278). Но тем не усилены позиции общности долевых собственников, что проявляется в закреплении возможности распространения действия соглашения сособственников на правопреемников (п. 5 ст. 277), нового механизма прекращения общности, посредством продажи вещи (п. 3 ст. 280).

Доцент кафедры гражданского права Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук С.Я. Сорокина посвятила свое выступление проблемам жилищно-правовой политики: жилищным правам собственника жилого помещения, признанного непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу.

Изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд в связи с признанием жилого помещения непригодным для проживания влечет два последствия: выкуп жилого помещения публично – правовым образованием либо предоставление взамен изымаемого другого жилого помещения. Договор об изъятии жилого помещения путем выкупа представляет собой возмездный гражданско-правовой договор продажи недвижимого имущества, что влечет необходимость соблюдения и иных требований, предъявляемых законодательством к сделкам по отчуждению недвижимости. Представляется, что данные отношения не подпадают под действие п. 1 ст. 558 ГК РФ, регламентирующей особенности продажи жилых помещений. Так, данная норма устанавливает в качестве третьего существенного условия договора (кроме предмета и цены) перечень лиц, сохраняющих право пользования продаваемым жилым помещением, например, нанимателей по договору коммерческого найма (ст. 675 ГК РФ), что неприменимо к договору о выкупе. Вы-

купная цена жилого помещения включает в себя рыночную стоимость жилого помещения, а также все убытки, причиненные собственнику в связи с изъятием жилого помещения. В этой части национальный законодатель демонстрирует соответствие международному опыту. В западной правовой традиции понятие рыночной цены является единственным критерием, принципиально применимым к идее справедливой компенсации.

При предоставлении жилых помещений взамен изымаемых по ч. 8 ст. 32 ЖК РФ возникает проблема, связанная с тем, что малолетним гражданам, проживающим в жилых помещениях, принадлежащих им на праве собственности, если эти помещения в установленном порядке признаны непригодными для проживания и не подлежат ремонту и реконструкции, взамен могут быть *вне очереди* предоставлены жилые помещения по договору социального найма (п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ).

Верховный Суд РФ в Обзоре законодательства и судебной практики за четвертый квартал 2009 г. разъяснил, что норма ст. 32 ЖК РФ регулирует обеспечение жилищных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд и не исключает требования ст. 57 ЖК РФ предоставить жилые помещения по договору социального найма гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении.

Таким образом, можно сделать вывод, что при определенных условиях жилищные права собственников жилых помещений, признанных непригодными для проживания и не подлежащих ремонту или реконструкции, изымаемых для муниципальных нужд, защищаются путем предоставления **благоустроенных жилых помещений по норме предоставления** во внеочередном порядке с учетом п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ.

Главный специалист юридического отдела Министерства образования и науки Красноярского края, член Красноярского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Е.В. Гаврилов рассказал о способах защиты гражданских прав, не предусмотренных законом. Он выявил противоречие между ст. 12 ГК РФ и ст. 45 Конституции РФ; на основании доктрины гражданского права, правовых позиций КС РФ и судебно-арбитражной практики сделал вывод, что способы защиты гражданских прав не обязательно должны быть предусмотрены законом, главное, чтобы законом они не были запрещены и не являлись злоупотреблением права. Целесообразно, чтобы способы защиты гражданских прав были предусмотрены не только законом, но и вытекали бы из договоров, обычаев делового оборота, судебной и судебно-арбитражной практики. В основе способов защиты гражданских прав, не предусмотренных законом [например, компенсация нематериального вреда юридическим лицам, принесение извинения, признание права (обременения) отсутствующим], равно как и в отношении любых способов защиты прав, по мнению Е.В. Гаврилова, должны лежать существо нарушенного права и характер последствий этого нарушения.

Доцент кафедры гражданского права Юридического института Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук Н.П. Галаганова затронула проблему злоупотребления правом в семейных отношениях.

Принимая во внимание роль семьи и надлежащего воспитания нового поколения в настоящий период времени, проблема недопустимости злоупотребления правом наиболее

актуальна в области семейного права, где элемент корысти, цель извлечения выгоды, аморальность – принципиально недопустимы.

Сквозь призму злоупотребления могут быть рассмотрены различные субъективные семейные права и обязанности. Однако в данных ситуациях злоупотребление правом часто представляет собой не правонарушение, а правомерный, хотя и аморальный, безнравственный поступок, когда причиненное зло принимает юридически приемлемое обличие. В качестве примера можно рассматривать, суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, целевое назначение которых – воспитание, образование и содержание ребенка, на практике расходуются законными представителями детей в ущерб их целевому назначению в иных нуждах и интересах. Анализ Закона показывает, что для указанных форм злоупотребления правами Семейный кодекс РФ предусматривает специальные, хотя и редко применяющиеся, средства защиты (ст. 27, ч. 2 п. 2 ст. 60 СК РФ), что можно объяснить следствием невнимания правоприменителей к законным средствам нейтрализации подобных форм негативного поведения.

В тех же случаях, когда в нормах СК РФ не предусмотрены конкретные средства защиты или ответственности для случаев злоупотребления правом, следует, как представляется, применять ст. 10 ГК РФ как универсальное средство защиты от злоупотреблений правом в любых формах. В частности, в случаях, когда заключен брачный договор, содержащий условия о разделе имущества, либо супруги составили, согласовали и оформили соглашение о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ), то в случаях обращения кого-либо из сторон договора (соглашения) в суд с иском о разделе имущества, что закон не исключает, в исках подобного рода следует отказывать на основании ст. 10 ГК РФ, учитывая, что такая возможность предоставлена судам ст. 5 СК РФ.

Думается, такой подход значительно сократит и упростит количество споров о разделе имущества, укрепит принцип добросовестности в правоотношениях и будет вполне соответствовать правовой политике и развитию российского законодательства в условиях дерегулирования.

Заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юрид. наук, проф. Н.В. Щедрин осветил проблему санкций безопасности в российской уголовно-правовой политике. Он отметил, что системообразующими категориями должны стать «уголовное деяние» и «мера уголовного воздействия». Преступление – это только один из видов уголовного деяния, а наказание – один из видов мер уголовного воздействия.

Действующая модель российского уголовного права является «четырёхколейной», т.е. включает в себя четыре вида правовых последствий уголовного деяния: меры наказания, безопасности, восстановления и поощрения. Мы исходим из того, что подавляющее большинство мер уголовного воздействия – это «сплавы», в которых параллельно или последовательно соединяются четыре названных санкции.

«Четырёхколейная» модель уголовного права позволяет относительно безболезненно решить проблему уголовного воздействия на криминальные организации. Вместо уголовной ответственности (читай – наказания) к юридическим лицам, введение которой предполагает наличие искусственной конструкции «вины» этой юридической фикции, предлагается возложение на криминальные организации санкций безопасности и санкций восстановления.

Несмотря на то, что указанные выше концептуальные идеи доведены до сведения коллег в многочисленных публикациях, полного признания они не получили. Обнадёживает то, что, с одной стороны, в последние годы появились статьи, монографии, диссертации, авторы которых поддерживают и развивают высказанные идеи, а, с другой – пока нет резко критических отзывов. Это дает право полагать, что мнение профессионального сообщества относительно сформулированных выше тезисов находится где-то между “этого не может быть никогда” и “что-то в этом есть”.

Старший преподаватель кафедры систем искусственного интеллекта Института космических и информационных технологий Сибирского федерального университета С.Я. Ворошилов затронул такую проблему уголовно-правовой политики, как расследование преступлений с применением оружия, поражающего излучением.

В перечне номенклатуры, имеющейся на вооружении техники в Российской Федерации обозначена позиция оружия, поражающего излучением. Это не перечень номенклатуры для широкого потребителя, это специальный перечень номенклатуры предприятий военно-промышленного комплекса, недоступный не только простым гражданским лицам, но и организациям санитарно-эпидемиологической службы и даже отделением МЧС на местах. Особую тревогу вызывает отсутствие правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот или применение оружия, поражающего излучением. Федеральный закон, принятый законодателем по ограничению оборота оружия, поражающего излучением – дополнение абз. 7, п. 1, ст. 6 Федерального закона “Об оружии”, практически не соблюдается. Волнующие характеристики каждого из органов человеческого тела учеными давно описаны и хорошо известны, поэтому при применении оружия, поражающего излучением, возможно безнаказанное причинение смерти или другого вреда любому человеку, притом незаметно для окружающих, так как доказать причину наступления летального исхода или появления нетипичной патологии невозможно. Необходимо срочно принимать правовые ограничительные меры.

Помощник судьи по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан, преподаватель Казанского филиала Российской академии правосудия Д.Ф. Губаева осветила такую тенденцию современной уголовно-правовой политики, как либерализация. Либерализацию уголовного законодательства обычно трактуют в плане улучшения ситуации в пенитенциарной системе, а также концептуальных изменений в части уголовного преследования за совершение экономических преступлений. Полагаем, такой подход нуждается в некотором уточнении. Либерализация – это расширение свободы деятельности, под которым следует понимать не только сокращение репрессивных мер, но и увеличение дискреционных полномочий правоприменителя.

В результате анализа этого процесса применительно к преступлениям против общественной нравственности (ст. 240–245 УК РФ) приходим к выводу, что охрана общественной нравственности в настоящее время приоритетной не является. Рассматриваемые нормы практически не подверглись возможному технико-юридическому усовершенствованию. С точки зрения строгости санкций самыми суровыми мерами наказания по-прежнему обеспечены нормы раздела X о преступлениях против государственной власти. Новые модели девиантного поведения, предусматриваемые ст. 242.2, а также ч. 2 и 3 ст. 242 УК РФ, направлены в первую очередь на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, на что прямо указывает законодатель в примечании к ст. 73 УК РФ. Кумулятивность

санкций и новый вид наказания, установленные новеллами УК РФ применительно к его ст. 240–245, существенно расширяют зону судейского усмотрения, реализуя тем самым лишь один аспект либерализации, связанный с дискреционными полномочиями правоприменителя. Изменение же санкций не является настолько существенным, чтобы можно было говорить об отражении на законодательном уровне определенного прогресса в морально-правовом развитии общества, а также об осознании в полной мере той опасности, которую представляет современный кризис нравственного состояния российского общества.

Аспирант кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета О.Е. Деревягина обратила внимание на несогласованность антимонопольной и уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ внес в диспозицию ч. 1 ст. 178 УК РФ очередные изменения. Одним из нововведений является частичная *декриминализация* недопущения, ограничения или устранения конкуренции, совершенных путем заключения ограничивающего конкуренцию соглашения. Можно не согласиться с подобной декриминализацией, поскольку прослеживается следующее противоречие: по замыслу законодателя, теперь уголовному преследованию подлежат безусловно запрещенные соглашения-картели, так называемые в конкурентном праве *per se*, допустимость которых исключается. Вместе с тем одна из норм-новелл Федерального Закона “О защите конкуренции” предусмотрела условия признания допустимым и картеля (ч. 1.1. ст. 13), и эти условия имеют значительное сходство с условиями допустимости других соглашений. Таким образом, эта норма несколько “сгладила” разницу во вредоносности соглашений-картелей и иных соглашений. В связи с этим решение законодателя о декриминализации всех запрещенных соглашений, кроме картелей, антимонопольным законодательством не обусловлено. С возникающим противоречием между антимонопольным и уголовным законодательством предлагается вернуться к криминализации в ст. 178 УК РФ иных соглашений – не картелей.

Доцент кафедры криминалистики Юридического института Сибирского Федерального университета, канд. юрид. наук И.А. Журавлева в своем выступлении затронула некоторые аспекты уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних. Независимо от процессуальной роли, в которой выступает несовершеннолетний, формирование показаний и его поведение в процессе допроса определяется прежде всего возрастными особенностями его личности. Возрастную характеристику определяют такие факторы, как изменение положения ребенка в семье, детском саду, школе, в неформальных группах, появление новых форм деятельности, увлечений, ценностных ориентаций, изменение уровня интеллекта и развития, изменение потребностей и, наконец, некоторые особенности созревания его организма.

К психологическим особенностям всех возрастных групп несовершеннолетних, определяющим специфику их допроса, можно отнести: меньший, чем у взрослых, объем знаний и опыта; несовершенство процессов восприятия, запоминания и воспроизведения; быструю утомляемость и меньшую способность к сосредоточенному вниманию; повышенную внушаемость; склонность к смешению реального и воображаемого; повышенную эмоциональность, подверженность резким сменам настроения.

При этом в психике дошкольников, младших школьников, подростков и старших школьников при всем сходстве наблю-

даются существенные различия. Эти различия необходимо учитывать следователю. Знание возрастных особенностей несовершеннолетних в немалой степени способствует тактически правильному проведению допроса. Используя эти знания, следователь осуществляет индивидуальный подход к несовершеннолетнему, выбирает и применяет наиболее соответствующие ситуации тактические приемы.

Аспирант кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета А.В. Молодкин в своем выступлении обратился к такому срезу уголовно-правовой политики, как ответственность за деяния в сфере обращения с экологически опасными веществами и отходами.

В проблеме разграничения уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления в сфере обращения с экологически опасными веществами и отходами можно выделить несколько аспектов. Первый заключается в разрешении трудностей, связанных с конкуренцией норм. В теории уголовного права выделяют разные виды конкуренции уголовно-правовых норм. В свете исследуемых проблем значимость представляет такой ее вид, как конкуренция общей и специальной норм. В гл. 26 УК РФ можно выделить несколько общих норм, одной из них является норма, предусмотренная ч. 2 ст. 247 УК РФ, устанавливающая ответственность за нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами. По отношению к ней нормы, предусматривающие ответственность за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ), порча земли (ст. 254 УК РФ) являются специальными, поскольку устанавливают ответственность за загрязнение (отравление, заражение) отдельных элементов природной среды.

Второй аспект проблемы разграничения норм об ответственности за экологические преступления в сфере обращения с экологически опасными веществами и отходами связан со спецификой последних. Окружающая среда – это комплекс взаимосвязанных природных объектов, поэтому деяние, посягающее на один из них, во многих случаях причиняет вред и остальным элементам природной системы. При этом нормы об экологических преступлениях в гл. 26 УК РФ выделены именно по критерию объекта окружающей среды, которому причиняется вред. Поэтому выбор уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, на практике бывает весьма затруднителен в случаях совершения экологического преступления. Все это позволяет усомниться в целесообразности установления ответственности за деяния в сфере обращения с экологически опасными веществами и отходами в нескольких уголовно-правовых нормах в зависимости от объекта природной среды, которому причиняется вред.

Старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Сибирского федерального университета Н.Ю. Рычкова отметила, что в юридической науке встречаются предложения включить в сферу уголовно-правовой охраны право на обнародование произведения науки, литературы и искусства. С ними трудно согласиться, так как посягательство на это право не является общественно опасным. Нарушение права на обнародование произведения может быть факультативным объектом преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 146 УК РФ, (поскольку может присваиваться авторство, использоваться как ранее обнародованное, так и необнародованное произведение). Посягательство на факультативный объект всегда учитывается при назначении вида и размера наказания. Однако в отдельных случаях нарушение нескольких прав приводит к существенному изменению степени общественной опасности. Это про-

исходит тогда, когда право на обнародование произведения нарушается *в связи с доведением произведения до всеобщего сведения* (распространением через информационно-телекоммуникационную сеть, в том числе, сеть Интернет). Ввиду огромной скорости распространения информации почти не ограничено, его трудно пресечь, а потому масштаб вреда, нанесенного автору, иному обладателю исключительного права, обществу является существенным. Отсюда доведение до всеобщего сведения необнародованного произведения может быть введено в качестве квалифицирующего признака деяний, описанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Акцентируя внимание на проблемах уголовно-исполнительной политики, **доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института ФСКН России, канд. юрид. наук П.В. Тепляшин** обратился к вопросу о концепции мер безопасности в уголовно-исполнительной политике России (в контексте влияния европейской пенитенциарной практики).

С точки зрения зарубежного опыта обращения с осужденными и европейской пенитенциарной политики уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России может быть подвергнуто критике через призму рассмотрения такого уголовного наказания, как ограничение свободы. Так, ч. 1 ст. 53 УК РФ содержит комплекс ограничений (“не уходить”, “не изменять места жительства” и т.п.), по существу, являющихся запретами, применение которых направлено на предупреждение совершения новых преступлений осужденными к ограничению свободы, но не на их исправление. Применение при исполнении ограничения свободы аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля также является не более чем технической мерой безопасности, направленной на контроль поведения осужденного, а не на коррекцию нравственных свойств личности.

Влияние на уголовно-исполнительное право европейской пенитенциарной практики привели к реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы. Реформа связана с рядом принципиальных преобразований, но основная идея состоит в переходе от “колонийско-отрядной” к “тюремно-покамерной” модели размещения осужденных, которая отражает европейские особенности организации пенитенциарных систем и усилением реализации индивидуальных мер безопасности в обращении с осужденными.

Достижения соответствующего зарубежного опыта достаточно прогрессивны, согласуются с отечественной практикой исполнения уголовных наказаний, но не всегда учитываются отечественным законодателем.

Аспирантка кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета Е.А. Фурса, рассматривая проблемы уголовно-правовой охраны подписи избирателя, отметила, что ч. 2 ст. 142 УК РФ предусматривает ответственность за подделку подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, *списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением*. Бланкетность диспозиции нормы обуславливает необходимость постоянного контроля за изменением корреспондирующих положений законодательства о выборах. Однако на практике наблюдается отставание нормы от новелл избирательного процесса.

Избирательная система России предусматривает возможность *выдвижения кандидата непосредственного* или в составе *списка кандидатов*. Законодательство о выборах, действующее на момент принятия ч. 2 ст. 142 УК РФ, допускало возможность выдвижения списка кандидатов в депутаты

всеми избирательными объединениями: политическими партиями и иными общественными объединениями. Федеральным законом от 5 апреля 2009 г. в понятие избирательного объединения были внесены изменения, в результате которых иные общественные объединения утратили возможность выдвижения *списка кандидатов*. Соответственно, в диспозиции нормы слова “*списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением*” должны были быть заменены на “*списка кандидатов, выдвинутого политической партией, ее региональным отделением или иным структурным подразделением*”, что привело бы ее в соответствие с избирательным законодательством и сделало более понятной и доступной правоприменителю.

Федеральным законом от 2 мая 2012 г. все партии, выдвигающие кандидатов непосредственно (кроме выборов Президента РФ) или в составе списка кандидатов, освобождены от сбора подписей избирателей. Данные изменения привели

к полной отмене института сбора подписей в поддержку выдвижения *списка кандидатов*. Следовательно, слова “*списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением*” из ч. 2 ст. 142 УК РФ необходимо исключить.

Обзор подготовили:

**А.В. Малько, директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН,
доктор юрид. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ
(E-mail: igp@sgar.ru);**

**В.М. Шафиров, зав. кафедрой теории
государства и права Сибирского федерального
университета,
доктор юрид. наук, проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
(E-mail: ashafirov@gmail.com)**